

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

И НЕБО – В ЧАШЕЧКЕ ЦВЕТКА

Лида с грустью смотрела в окно восьмого этажа на падающий снег. Он опускался на землю оттуда, из этой бесконечной пропасти тихо, очень крупными мохнатыми хлопьями, похожими на облачка козьего пуха, наряжая попутно старые березы около дома в Снегуркин наряд, щедро, будто с барского плеча, разбрасывая легкие белые оренбургские платки на голые кусты боярышника, черемухи и сирени. Вся эта божественная роскошь отсвечивала голубым, словно в небесной прачечной подкрахмаливали синькой, даже глазам больно.

Она отошла от окна. Присела на стул. На столе стояла в ажурной рамке фотография. Перед ней горела свеча. С черно-белого снимка на нее, дерзко улыбаясь, смотрел худощавый, чернявенький солдатик-срочник. Лида любила это фото мужа. Такое же всегда носила в портмоне, хотя она его таким молодым еще не знала. Сегодня уже десять лет, как его нет.

Лидина женская жизнь с самого начала не задалась. Первый раз рано выскочила замуж. После десятилетки папа отвел ее на авиационный завод. Определили ученицей в бухгалтерию. Выдали нарукавники и счета. Положили крошечный оклад, но вчерашней школьнице и эти деньги показались огромными. Больше трех рублей никогда в руках не держала. С первой полочки купила маме нейлоновую цветастую косынку, а папе – мундштук. Те улыбнулись, принимая дары. Совсем взрослая стала дочка.

Как-то Лидусю, самую юную и хорошенькую из заводского управления, послали навещать токаря из сборочного цеха, попавшего в больницу, отнести гостинцы. Этот парень, Николай, и стал ее первым мужем. Он сильно страдал астмой. Щупленький, изможденный, с тонкой шейкой. Даже в воротничок рубашки резинка продета. Нет такого размера. Лихорадочный румянец на обтянутом кожей лице, черные глаза с болезненным глянецом. Пожалела. Полюбила. Мать с отцом отговаривали. Больной. Жизнь себе испортишь. Да разве любовь слышит? Расписались наскоро. Без свадьбы. Не на что было. Без белого платья, фаты и туфель с переливающимися пряжками, как у Золушки. Лида разглядывала, примеряла недоступную красоту в магазине для новобранцев «Весна». Невозможность обладания туфлями особенно удручала. Родители к непослушной дочери в ЗАГС не пришли и прекратили с Лидой всякое общение. Переехала жить к мужу. Помыкалась в чужой семье. Спали на полу, на матрасе. Безденежье. Постоянные приступы у мужа, больницы. «Скорые». Реанимации. Тогда еще не изобрели современных лекарств. Приступы случались часто. После одного, когда вроде отпустило, Лида забылась тяжелым, тревожным сном. Вскинулась. Услышала какой-то звук. Вскочила, еще не проснувшись окончательно. Рванула ручку туалета. Коля! Коля! О дверь с той стороны что-то равномерно билось. Когда открыли, он болтался в петле. Привязал к трубе под потолком. Не выдержал мучений. Наложил на себя руки. Схоронила. Вскоре вернулась домой. Не могла простить себе, что не уберегла.

Потянулись черные месяцы. Родители утешали, как могли. Но мама иногда в сердцах и попрекнет. Вот, мол, говорили тебе. Не слушала.

Молодость быстрее заживает душевные раны, чем старость. Кажется, что все еще только начинается и впереди тебя ждет долгая счастливая жизнь. На заводе все напоминало о трагедии и о муже, и тогда Лида перешла на работу в телевизионный НИИ. Да и от дома недалеко. Одна сотрудница в бухгалтерии, сердобольная женщина, узнав о Лидиной истории, предложила познакомить ее со своим племянником. Вот так неромантично. Тихий, незаметный, нескладный мямля. С женой развелся. Вернее, она с ним развелась. Остался мальчик. Виктор страдал. Бывшая не давала видеться с ребенком. Лида купила в «Детском мире» большой самосвал, кулек конфет. Сказала:

– Иди! Это твой сын.

Пошел, встретился с сыном. Вернулся домой грустный. Обнял ее. Ткнулся жене в теплое плечо.

– Лидунь! Как хорошо. Сына увидел. Когда уходил, он не отпускал. «Папа! Останься. Не уходи!»

– Ничего, Витюш! Привыкнет. Ты, главное, ходи к нему. У ребенка должен быть отец.

Жизнь потекла своим порядком. Лида все не оставляла надежды забеременеть, ходила по врачам, лечилась, но неудачный аборт с первым мужем сказался. Врачи поставили диагноз – бесплодие.

А в общем, жили хорошо, дружно. Умерла бабушка и оставила Лиде однокомнатную квартиру. Купили шкаф, сервант, софу, записались на ковер. Чешский костюм Виктору

справили, двубортный плащ с погончиками и отлетной кокеткой. Откормила его. Стал ухоженным. Возмужал.

Супруг маялся на заводе электриком. Лида устроила его начальником телефонной станции в своем НИИ. Уговорила поступить в МИРЭА на вечерний, но учился он неважно. Вместе еле-еле сессии сдавали. И тут пришла беда, откуда не ждали.

Отцу Лиды, диабетика, отняли ногу. Лида взяла отпуск и целыми днями ухаживала за ним в больнице. К соседу по палате тоже приходила дочь. Надежда. Моложе Лиды. Высокая. Смуглая. Подружились. Лида предложила Наде перейти к ней в бухгалтерию. У нее никогда не было задушевной подружки. Простодушно поверяла разговорчивой девушке все свои тайны. А та все расспрашивала, как они с мужем познакомились, какой он по характеру. Сколько зарабатывает. Лида гордилась своим Витюшей. Домашний. Добрый. Приличная должность. В институте учится. А когда только пришел к ней, был как цыпленок по руцкь семьдесят. Заброшенный совсем. Надя внимательно слушала, подхваливала. Да, хорошего мужа надо самой возвращать.

Лида надумала познакомиться одинокую подружку с двоюродным братом. Пригласила обоих в гости, но Надя почему-то танцевала целый вечер с Виктором. Брату она не понравилась, а муж объяснил потом, что просто жаль стало девушку. Отвлекал ее, чтобы не расстроилась и ничего не заметила.

Как-то Лида пришла домой раньше обычного. Виктор оказался дома. На софе лежал разложенный чемодан.

— Лидунь! — он посмотрел на нее молящими глазами. — Я полюбил. Надю. Я ухажу к ней. Прости.

Лида, ничего не понимая, опустилась на софу рядом с чемоданом, машинально перебирая рукой уложенные рубашки. Каждую ведь она ему покупала. Муж присел рядом. Взял за руку.

— Ты хорошая. Но ничего не могу с собой поделаться.

Так и ушел.

Надю и Виктора из НИИ уволили, когда все об этом узнали. Они сами не очень-то хотели уходить. Главбух Геля пошла к директору и поставила ультиматум:

— Или я, или они!

Лида долго не могла опомниться от такого предательства. Сама же их познакомила. Виктор был такой честный, послушный. Ей казалось, что этого просто не может быть. Она сейчас проснется — и муж, как прежде, спокойно спит рядом с ней.

Земля ушла из-под ног. Как пережить горе, что с этим делать? Копошилась дольше всех на работе. Засиживалась у родителей. В пустой дом возвращаться не хотелось. Случайно познакомилась с красавцем-врачом, но роман был недолгим. Самовлюбленному Борису, Бяше, как звала его Лида, хотелось ребенка, а может, просто искал более подходящую ему по уровню, по образованию.

Однажды у Лиды дома остановилась Инесса, сотрудница из их филиала в Челябинске. За вечерним чаепитием разоткровенничались. Гостеприимная хозяйка рассказывала свою жизнь, Инна — свою.

— Да у вас здесь мужиков море! Я на улице все время знакомлюсь, — смеялась Инна. — Неужели не найдешь себе?

Лида только удивлялась. Телефон то и дело звонил. Инесса хихикала в трубку, временами переходя на грудной тембр. Мчалась на свидания. Через несколько дней она уехала. В доме опять повисла ватная тишина. Лида открывала балкон, выходящий в старый вишневый сад во дворе пятиэтажки. Птицы чирикают, трамвайные звонки доносятся, телевизор бубнит. Вроде легче. К ней на улице почему-то никто не подходил.

Лида была высокой брюнеткой. Статная, кареглазая. Полноватая немного, но рост скрадывал. У нее были чудесные тонкие кисти рук с длинными красивыми пальцами и узкие ступни, как у мадонн Рафаэля. Всегда аккуратно одета. Мама, портниха, шила ей платья из кримплена и трикотина, Лида старалась не отставать от моды.

Как-то вечером зазвонил телефон. Лида еле успела подбежать. Услышала из душа. Взяла трубку, вытирая мокрые волосы махровым полотенцем.

— Алло?

— Здравствуйте! А Инну можно?

Лида улыбнулась. Надо же! Недели три, как та уехала, а ей всё называют кавалеры.

— Нет. Инна уехала.

— Жаль. Значит, опоздал, — она услышала в голосе на том конце нотки разочарования. — А вас как зовут? — незнакомец, видно, не хотел мириться с неожиданным фиаско.

— Лида.

— Какое редкое имя! Вы в Москве живете?

Звонивший представился. Александр, Саша. Работал в Москве на судоремонтном заводе контрольным мастером. Разведен. Жил в коммуналке. Еще немного поболтали. Договорились встретиться.

Лида тщательно готовилась к свиданию, испытывая непривычное волнение. Как в молодости. Достала из коробки лаковые югославские туфли-лодочки. Надела выходное платье. На импортном трикотаже рассыпаны бутоны роз. Уложила волосы. Одергивала себя. Да что сейчас уже может случиться? Сорок уже отстучало. Прогуляются и разойдутся.

Около метро с тремя гвоздиками ее ждал худой, лысоватый, среднего роста мужчина.

— Добрый вечер! Опоздываете! — он протянул ей гвоздики. Говорил он немножко в нос. Впалые щеки. Чисто выбрит. Одеколоном хорошим пахнет. Нос как у боксера, перебитый и крючковатый. Глаза, чуть навывкате, с любопытством оглядывали ее. Одет аккуратно. Брюки наглажены.

Прогулялись по парку Сокольники. Ухажер угостил мороженым. Сели на лавочку у фонтана. Повисла неловкая пауза. Лида не была говоруньей, да и этот Александр, видно, тоже. Из динамиков разносилось: «Я буду долго гнать велосипед...» Новый знакомый похлопывал себя в такт по худой коленке и вдруг с ходу подхватил, весьма неплохо: «Нарву цветов и подарю букет той женщине, которую люблю». Проходившие мимо оборачивались. Пьяный, что ли?

— Ну что, девочки? Споем? — бросил им вдогонку «пьяница». — Я ведь в хоре много лет пел — в школе и вот сейчас на заводе, — объяснил он озадаченной его музыкальными экзерсисами Лиде, которая сосредоточенно нюхала гвоздики, зарывшись в них носом. — У нас в семье у всех хороший слух. От отца. И мама хорошо пела. Сестра-то музучилище кончила. А я не мог. Надо было семью кормить.

Саша родился в многодетной семье, в Челябинске. Отец рано умер. После школы он пошел на завод. Там хорошо платили, и они вместе с братом тянули младших девчонок.

Армию отслужил. Перебрался в Москву. Женился. Рассказал, что есть ребенок. Мальчик. Виталик. Уже большой. В два года после воспаления среднего уха оглох. Недосмотрели. А когда Саша заболел диабетом, жена быстро с ним развелась. Квартиру оставил сыну, переехал в общежитие. Потом получил комнату от завода.

Лиду кольнуло. Диабет. Как у папы. Ивана Степановича не стало два года назад.

Проводил ее до трамвая. Разъехались в разные стороны. Лида не могла понять, понравился ей незнакомец или нет. Да уж какое тут чувство! Два одиночества. Неприкаянный он. А поет хорошо.

...Свадебный вечер устроили дома. Мама, Татьяна Андреевна, наготовила всего, но сама ничего не ела. Подперев щеку рукой, сидела мрачнее тучи. Она была против.

— Я с отцом мучилась, и ты жизнь себе испортишь.

Но Лида и на этот раз не послушала. Не хотела оставаться одна.

Обменяли его комнату и однокомнатную Лиды на двухкомнатную. Подкупили мебель. Бегали, разносили по утрам почту, чтобы скопить на первую совместную поездку к морю.

Лида относилась к Петровичу — так все знакомые звали Сашу — как к ребенку. Характер у того был ершистый, может быть, из-за болезни. Но отходил быстро. Ляжет к ней под бочок:

— Лиданька! Извини! Погорячился.

Так и жили.

В стране все перестраивалось. Начали открываться кооперативы. Бухгалтеры были нарасхват. Специалист из их НИИ уговорил ее перейти к нему главбухом. Он открывал предприятие. Завертелась совершенно новая, неизвестная жизнь.

Лида стала получать большие деньги. Для нее, привыкшей считать каждую копейку, просто разверзлось небо, и оттуда повалила манна небесная в виде купюр.

Выручку из филиала — с завода в провинции — возили чемоданами. Зарплата — с пятью нулями. Куда такие большие деньги вкладывать, Лида толком не знала. Положила в банк под проценты. Купила дачу для своего любимого цап-царапки, мурлыки, как нежно звала она своего ненаглядного Сашулю. Мужу нужен воздух. Он к тому времени уже был на инвалидности. Лида попросила маму пожить на даче, чтобы не оставлять Сашу одного, покормить его после укола. Татьяна Андреевна скрепя сердце ради дочери согласилась и скоро привязалась к зятю всей душой. Петрович не хуже Фигаро скакал по участку. Только что подвизывал яблоню, а сейчас схватил тачку с ведрами, поехал за водой к колодцу; смотришь, а он уж столярничает. «Трудяга», — вздыхала теща. Сама Лида пахала в городе. Зарабатывала деньги. Саша научился водить недавно купленную «Волгу», чтобы ездить от дома до дачи, перевозить весной кадушки-ведрушки, а осенью — собранный урожай. Петрович все делал «по науке» и хвастался всем увесистыми помидорами «бычье сердце» и пупырчатými мелкосемянными огурцами, выращенными по-особому собственноручно в теплице. Всякие варенья, заготовки типа маринованных патиссонов или балканского салата делали с тещей на терраске. Зять был на подхвате. Он рвал смородину и укроп, мыл и рассовывал по банкам. В дачном поселке он слыл знатным банщиком. Уж попарит, так попарит. Соседские мужики, из местных, по выходным

приходили с дубовыми венками под мышкой. Петрович умел превратить баню в целое действо. Готовил особенный сбор с можжевельником и мятой и плескал на раскаленные камни. Венчиком хлестал с расстановкой. На столе у выхода из парной их ждал термос с отваром шиповника, ну и что покрепче. Закуска своя. С огорода.

Как-то летом, после такой вот жаркой баньки, сидели за столом под старой яблоней. Лампочку оставили на террасе, чтобы свет падал на обильное шумное застолье. В кои-то веки из Москвы приехали родственники. Чего только не наготовили Татьяна Андреевна с дочерью по такому случаю для дорогих гостей! Закуски, привезенные из Москвы, соленья-моченья, тушеное мясо, грибки в сковородке, молодая картошечка, зелень. Пирогов с капустой нажарили. Как под такой натюрморт не накатить? Мелодично звенели рюмки. Выпили по третьей. Говорили уже вразнобой, перебивая друг друга, смеялись. Неожиданно все услышали:

*Не для меня приде-о-от весна-а-а,
Не для меня Дон разольется,
Там сердце девичье забье-отся
С восторгом чувств — не для меня...*

Разговоры затихли. Саша сидел, положив руки на стол, чуть раскачиваясь в такт. Задушевный его баритон раздавался далеко по вечерней зорьке. Что и говорить! Акустика у природы идеальная. Он пел уверенно, красиво, свободно. Раздольно. Голос креп и поднимался, ширился, расходился с каждым куплетом, набирая энергии, огня. Казалось, что он весь ушел в песню, в нахлынувшее половодье звуков и чувств, накрывшее его с головой. Он вкладывал в нее всего себя, рассказывал давнюю историю, и казалось, что это рядом поет не измотанный болезнью, худенький, неказистый человек, а и правда настоящий матерый казак с орденами на груди за подвиги перед отечеством. Захмелел есаул и, предчувствуя судьбу, поет на собственных проводах на войну, как в самый распоследний раз.

*Не для меня цвету-у-ут цве-еты,
Распустит роза цвет души-и-истый.
Сорвешь цветок, а он завя-а-анет.
Такая жизнь не для меня...*

За столом негромко подхватили. Зарождался тот особый, редкий, но знакомый каждому, кто хоть раз слышал за столом русскую песню, момент единения, сопричастности. Старинная эта казачья прощальная ложилась на сердце, напоминала о том, о чем, казалось, забыли в суете будней, и все в ней было понятно. Как жить и за что умирать.

*А для меня кусо-о-ок сви-инца,
Он в тело белое вопье-отся,
И слезы горькие пролью-утся.
Такая жизнь, брат, ждет меня-а.*

Было тихо. Теща растрогалась, качала головой, вытирая глаза уголком фартука.
— Хорошая песня. Душа развернулась. На все кнопочки нажал. Ох и поешь ты, Сашка!

И вдруг, будто в подтверждение этих слов, откуда-то с соседних дач они услышали громкие хлопки. Потом еще. Со всех сторон кричали: «Молодец! Уважил! Хорошо поешь! Эй, друг! Спой еще!» Вот такая минута славы.

Когда Лиде удавалось уйти в отпуск, возила маму и Сашу в Финляндию, в Питер, плавали на пароходе в Кижы. Пока шли от пристани по тропинке, Саша все оглядывался. Вдруг, как заяц, прыгнул в сторону. Немного погодя догнал группу. Набрал полную куртку грибов. На пароходе побежал к поварихам, те отварили грибы, присолили. Домой из Кижей привезли соленые грибки.

Уйдя на пенсию, Лида полностью посвятила себя заботам о муже. Моталась с ним по больницам, санаториям, в перерывах копались на даче.

Саша на удивленье быстро договаривался со всеми. Учился у медсестер огурцы солить в подсобке. Сколотил компанию. Перекидывались по вечерам в преферанс. Этого беспокойного пациента знали, казалось, все в отделениях, где он лечился. Знали и его тихую Лиду. Здоровались медсестры с уважением. Крест женщина несет!

— Добрый день, Лидия Ивановна! Ну, как ваш Петрович?

— В шахматы побежал играть в кардиологию, — улыбалась Лида.

Странная пара. Но, кажется, счастливая. Всегда вместе. Жена над ним — как наседка.

— Ох и шустрый он у вас!

Петрович ни минуты не мог сидеть или лежать спокойно. Шелестел газетами, разгдывал кроссворды, слушал радио, нацепив наушники, и все это одновременно. Все ему было интересно. Осенью и зимой, когда перебирались в Москву, таскал ее в оперу. Обездили все «Золотое кольцо». Дома он хозяйничал, кашеварил, но не забывал следить по телевизору за теннисными турнирами. Лида понимала. Он торопился жить. Однажды,

уже когда ему ампутировали ногу, Лида гуляла с ним в больничном парке туда и обратно по аллее, обсаженной молодыми березками. Недалеко от входа в отделение остановила коляску. Облокотившись на ограду, читала ему кроссворд, а он говорил, что вписывать. Лида прилежно заполняла клеточки. Подняла глаза.

Главврач из окна задумчиво смотрела на них. Потом, когда Лида зашла к ней за выпиской, сказала, удивленно покачав головой:

— Ваш муж в рубашке родился. Бог ему такую жену послал!

Лиде вспомнилась почему-то в этот момент другая рубашка.

Тогда еще муж был на своих ногах. В церковь они заходили нечасто. По праздникам, на родительские. Куличи святить. И вдруг Саша признался:

— Лидунь! Давно хочу окреститься. С батюшкой уже договорился.

Купили крестильную рубашку и крестик. Когда совершали обряд, Саша стоял в этой длинной рубахе, серьезный, какой-то совсем иной, и словно светился изнутри.

...Цветок стоял на подоконнике отделения эндокринологии. Сторона была не солнечной, может, поэтому цветок был высокий, статный, но только с одним бутонем, который вот-вот должен был раскрыться. Его экзотическое название — олеандр — напоминало ковьявшимся с капельницами на штативах по коридору пациентам о недостижимых даях: о юге, о море, о здоровой, для многих уже оставшейся в прошлом, счастливой жизни. Представители и мужской части отделения, и особенно гости из женской ежечасно фланировали мимо цветка, бросая на него выжидательные взгляды. Ну когда же наконец раскроется это розовое чудо? Саша с соседом Григорием часто прогуливались по широкому, казалось — бесконечному коридору. Он считался своего рода местным променадом. Петрович сидел в инвалидной коляске, а Гриша возил его туда и обратно. Приятель лежал через стенку, в следующей палате.

Петрович проявлял какое-то слишком пристальное внимание к деревцу. Они с Гришей объезжали его дозором по десять раз на дню. «Как дети», — улыбалась Лида.

...Она привычно везла его по серому, со следами от резиновых шин линолеуму на процедуры. Пахло дезинфекцией, потягивало чем-то рыбным из столовой, находящейся за углом. Саша опять притормозил у окна с горшком.

— Пстой! Он еще не раскрылся?

— Нет.

Лида посмотрела на деревце и на твердый, зеленоватый еще бутон.

— Оно на тебя похоже, — неожиданно изрек муж.

— Почему? — не поняла Лида.

— Красивое, статное и нежное, — Саша взял ее руку в свои, поцеловал, так посмотрел...

Лида зарделась от нахлынувших чувств, вспомнила их первые годы, его сильные руки, мгновения своего женского счастья. Неподдельное волнение чувствовалось в его признании. Будто он подбирал слова, хотел сказать ей что-то, чего еще никогда в жизни не говорил.

— Если бы я был здоров, если бы я тебя раньше встретил... Ты для меня всё! — он отвернулся от нее и всхлипнул.

— Ну что ты, Сашуль, что ты? Мы будем жить долго. Я буду ухаживать за тобой. Мы будем бороться! — она наклонилась и чмокнула его в лысину. Он резко развернул коляску и покатил, с усилием налегая на колеса. — Саша?!

— Иди! Я один доеду.

Потом инсульт. Ухаживала за ним, лежачим, больше десяти лет. Никому не доверяла. Уже привыкла по ночам слышать его голос:

— Лиданька! Переверни меня... Дай воды... Дай утку...

Обхватывал ее за шею, и она несла его на руках мыться.

Уже в конце, с трудом выговаривая слова, сказал ей:

— Ли-да-а-ань-ка... Спа-си-бо... Тебя люб-лю... Я та-ак бы-ыл сча-астлив с то-бой...

...Лида оторвала взгляд от снимка на столе. Со вздохом поднявшись, подошла к книжному шкафу. Вытащила стоящий между книг потрепанный журнальчик. Между страницами кроссвордов, заполненных его рукой, лежал засохший цветок. Она погладила его.

В то утро Лида проснулась в палате на рассвете от того, что что-то щекотало ей щеку. Не открывая глаз, она потрогала лицо рукой, почувствовала что-то влажное, бархатистое и легкий незнакомый аромат.

— Осторожнее!

Лида миготом открыла глаза, услышав его голос.

— Что случилось? Саша?

Муж, довольный, сидел в коляске у ее кровати и протягивал ей чудесный розовый цветок.

— Я тебе его принес! Олеандр! Он наконец раскрылся!